

МИФИЧЕСКИЕ СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА У ГЕЛЛАНЦА

1.

Экспансия византийской империи в VI веке, во время царствования Юстиниана I, привела к значительному расширению географических познаний. Войны с Персией установили связь с тюрками. Тюркские послы прибыли в Византию, в ответ на что к тюркскому кагану была отправлена византийская миссия, приобретающая впервые точные сведения о неизвестных до того краях и племенах Средней Азии.¹ Но связи с Востоком были установлены и другим путем. Дорога торговли шелком, идя с Дальнего Востока в Византию, пролегла через Персию, давая возможность персидским торговцам взять на себя роль посредников. Таким образом, византийская торговля шелком целиком зависела от Персии или точнее от соотношений между Византией и Персией. Это обстоятельство заставило Юстиниана отыскивать новую дорогу для торговли шелком, независимую от благосклонности персов.² В поисках новой морской дороги для шелка один из самых характерных личностей своего времени, Косма Индикоплевст достиг дальних краев Востока. Его труд, *Χριστιανική τοπογραφία* рисует верную картину о тогдашней торговле с Востоком и об одном из ее главных центров, Цейлоне.³ В это же время, в связи с военными походами на запад, другой знаменитый писатель того времени, Прокопий приобрел ценные сведения не только о западных и северозападных странах и народах Европы, но и о Фуле, равно как и о скриффициях.³ В эту эпоху значительного расширения географического мировоззрения современник Космы и Прокопия, Стефан Византийский написал свой труд *Ἐθνικά*. Он был грамма-

¹ Ср. *L. Ligeti: Az ismeretlen Belső-Ázsia* (= Неизвестная Средняя Азия), стр. 54 сл.

^{2a} Относительно византийской торговли шелком во время Юстиниана см. Н. В. Пигулевская: Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. ВВ (26) (1947) 184 сл. Для правильной оценки соотношений Византии и Ирана и общественных основ политики Юстиниана см. работу Пигулевской: Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. Москва-Ленинград, 1946. стр. 57 сл., 126 сл.

² *A. A. Fasilier: History of Byzantine Empire* I, 165—174, 198 сл. *Gy. Moravcsik: Bizantinoturcica* I, 229 сл.

³ *Moravcsik: Bizantinoturcica*, I, 302 сл.

тиком⁴ императорского вуза в Византии, что видно и из его сочинения: оно носит явно грамматический характер. Это обстоятельство особенно резко бросается в глаза при сопоставлении его сочинения с трудами Космы и Прокопия. Географические познания Стефана весьма скудны. Географические сведения интересуют его, повидимому, в малой мере. Слепо следуя своим источникам, он не интересовался вопросом, существует ли данный город или нет. В этом отношении он довольствовался данными своих источников. Его интересы были сосредоточены на правильном образовании названий племен⁵. Хотя сравнение с Космой и Прокопием и является не лестным для Стефана, но работа этого кабинетного ученого с узким кругозором все же имеет большую ценность. Благодаря узости своего кругозора и пренебрежению географической действительностью, Стефан собрал материал из источников различных времен и, критически не обработав его, сохранил для нас множество исключительно ценных данных, не приведенных в других работах античной географии и этнографии.⁶

2.

Из записей Стефана известно нам название племени Ἀμαδοκοί: Ἀμαδοκοί · Σκυθικὸν ἔθνος · Ἑλλάνικος ἐν Σκυθικοῖς · ἢ γῆ δὲ τούτων Ἀμαδοκίον (FGr. Hist. 4 F 647). Стефан называет свой источник. Это — Гелланик, вероятно современник Фукидида, опубликовавший свои сочинения в последней четверти V века до н. э.⁸, что составляет между ним и Стефаном промежуток примерно в 1000 лет. Имея в виду колоссальность этого промежутка, является маловероятным, что название племени Ἀμαδοκοί было заимствовано Стефаном непосредственно от Гелланика. По смыслу исследований Атенштедта гелланические данные Стефана происходят большей частью от Александра Полигистора⁹, главным образом при посредничестве Филона¹⁰.

⁴ *Honigmann*: RE II. R. VI Нб. 2369.

⁵ *Honigmann*: RE II. R. VI Нб. 2369 сл. Сбор и фиксация географических данных и названий, повидимому, находятся также в тесной связи с реставрационными стремлениями политики Юстиниана, имеющей целью подкреплять разложившиеся формы и рамки рабовладельческого строя, как и *Codex Iustinianus*.

⁶ Следует отметить, что древнеиндийские грамматики также оставили много интересных этнографических сведений, например, по отношению к Камбодже. См. *J. Charpentier*: ZH 2 (1923) 144 сл.

⁷ *Symeon Etym.* из Стефана: Ἀμαδοκοί · Σκυθικὸν ἔθνος · ἢ γῆ τούτων Ἀμαδοκία. См. *R. Reitzenstein*: Geschichte der griechischen Etymologika. Leipzig 1897. 257, 262.

⁸ *F. Jacoby*: RE VIII. 109 сл. F. Gr. Hist. прим. 4 к F I, *Schmid — Stählin*: Geschichte der griechischen Literatur. I, 2.

⁹ *F. Atenstädt*: Philologus 80 (1925) 324.

¹⁰ *Honigmann*: RE II. R. VI. Нб. 2384; *Jacoby*: F. Gr. Hist. IIIa Komm. 258.

При разборе вопроса заимствования названия племени Ἀμάδοκοι невольно думается о сочинении Περί Εὐξείνου Πόντου, как о труде, наиболее могущем сыграть роль посредника из сочинений Полигистора. При этом необходимо было бы знать, сколько внимания уделил он в своих описаниях племенам, населявшим в то время внутренние территории материка так, как племя Ἀμάδοκοι как Σκυθικὸν ἔθνος безусловно входило в состав этих народов. В одном из сохранившихся фрагментов сочинения Полигистор цитирует этимологию самого замечательного знатока скифов, Диофанта относительно Ἄβιοι Гомера (273 F 14). В другом фрагменте упоминаются и Ἰάμοι · Σκυθίας ἔθνος (273 F 15). По свидетельству третьего фрагмента Полигистор трактовал и область Ὑλαία, упомянув и об имени туземцев (273F 16 ἡ χώρα Ποντική Ἀβική λεγόμενη, см. прим. Jacoby к 273 F 16). Больше фрагментов, носящих заглавие сочинения Περί Εὐξείνου Πόντου, не сохранилось, но фрагменты 273 F 112, 134, 138 и 139 вряд ли происходят из других сочинений Полигистора, хотя заглавие в них и не обнаружено. По свидетельству 273 F 134, 138, 139 Полигистор упомянул о городах Танаис и Тира, равно как и об одноименных с ними реках и р. Гипанис. Эти фрагменты несомненно относятся к описаниям берегов Понта. На внутренние части территории указывает 273 F 112: Steph. Byz. s. Ἄγιον · τόπος Σκυθίας. ἐν ᾧ Ἀσκληπιὸς ἐτιμάτο. ὡς Πολυίστωρ. Ст Ἄγιον · τόπος Σκυθίας нельзя отделить другую статью Стефана: Ψευδαρτάκη · λόφος ἐν Σκυθίαι μετὰ τὸ λεγόμενον Ἄγιον ὄρος. По всей вероятности и эта статья происходит из сочинения Полигистора Περί Εὐξείνου Πόντου, но отметка источника была пропущена по вине Стефана или же его эксцерптора¹¹. На основании этих фрагментов можно вывести заключение, что Полигистор в своем сочинении Περί Εὐξείνου Πόντου описывал не только берега Понта, но и племена и местности внутренних частей материка. При этом он воспользовался — по доказательству цитаты из Диофанта — и старинными источниками и — как это чувствуется при упоминании названия племени Ἄβιοι — не стремился составлять точную этнографическую картину, соответствующую понятиям современников. Таким образом, ничто не противоречит предположению, что Ἀμάδοκοι были упомянуты в сочинении Περί Εὐξείνου Πόντου Полигистора, и это название дошло до Стефана через его посредничество. Если это предположение правильно, то можно утверждать, что название Ἀμάδοκοι было известно в географической и этнографической литературе около начала н. э.

¹¹ Эта статья принадлежит ко II разряду эксцерптов, см. *Notiogrammi*: RE II. R. VI. Nб. 2376.

3.

Исходя от Стефана, через географическую литературу начала нашей эры, мы — следуя по следам названия 'Αμάδοκι — достигли Гелланика. Из его сообщения у Стефана сохранилось почти лишь одно название, но соответствующее место оригинала было наверно полнее. Ведь сочинение Стефана 'Εθνικά сохранилось только в сокращенном виде, как результат деятельности нескольких сократителей.¹²

Статья 'Αμάδοκι в данном виде принадлежит к третьему разряду эксцерптов: оно содержит кроме названия племени и географическое определение (Σκυθικόν ἔθνος), равно как и указание источника (Ελλάνικος ἐν Σκυθικοῖς). Значит амадоки трактуются в Σκυθικά Геллаником как племя, проживавшее в Скифии. Если мы захотим определить географическое положение и этнографическую принадлежность их, то является необходимым реконструировать Скифию Гелланика.

Из названного сочинения Гелланика сохранился и другой фрагмент: 4 F 65 Steph. Byz. s. 'Αμόρτιον· πεδίων Σακῶν· 'Ελλάνικος Σκυθικοῖς· τὸ ἔθνικόν 'Αμόρτιος, ὡς αὐτὸς φησιν. И этот принадлежит к третьей группе фрагментов, поэтому можно предположить, что в оригинале и он был полнее. Так как в этом фрагменте Стефан сообщает и ἔθνικόν на основании Гелланика, можно считать вполне вероятным, что и в статье 'Αμάδοκι, где приводится название страны, образовавшееся от имени племени, также восходит к Гелланику, но там ссылка ὡς αὐτὸς φησιν была пропущена. На основании этих фрагментов можно установить, что образовавшееся из наименования племени названия стран в роде 'Αμαδόκιον. 'Αμόρτιον являются характерными для Гелланика. Что это представляет собой своего рода особенность, это явствует и из поступка Symeon Etym., превратившего форму 'Αμαδόκιον в 'Αμαδοκία.

Из сочинения Σκυθικά Гелланика остались для нас только вышеназванные три отрывка, в которых сохранилось и заглавие самого сочинения. Из них ясно видно, что Гелланик уделил внимание и восточным племенам, населявшим Скифию, так как племя 'Αμόρτιοι находился восточнее или юговосточнее Аральского озера. Вероятно он знал и описал много племен, о чем свидетельствуют два места у Страбона. В первом из них (XI 6,2 = 4 F 185) Страбон — делая беглый набросок об этнографическом положении областей, лежащих на запад и восток от Каспийского моря — упоминает о том, какие имена племен встречаются у старинных писателей в отношении этой

¹² *Honigsmann*: RE II. R. VI. №. 2374. сл.

территории, прибавляя, что их данные не внушают доверия διὰ τὴν τῶν συγγραφέων ἀπλότητα καὶ τὴν φιλομουθίαν. Для характеристики этих писателей Страбон добавляет еще и следующие: ὀρώντες γὰρ τοὺς φανερώς μυθογράφους εὐδοκιοῦντας ωἰήθησαν καὶ αὐτοὶ παρέξεσθαι τὴν γραφὴν ἡδεῖαν, ἐὰν ἐν ἱστορίας σχήματι λέγῳσιν, ἂ μὴδέποτε εἶδον μῆτε ἤκουσαν, ἢ οὐ παρά γε εἰδότων, σκοποῦντες δὲ αὐτὸ μόνον τοῦτο, ὅτι ἀκρόασιν ἡδεῖαν ἔχει καὶ θαυμαστήν. Значит, легче верить Гесноду и Гомеру или же трагикам, нежели Ктесню, Геродоту, Гелланику или подобным же писателям. Сказав это, Страбон следовал лишь Эратосфену, принимавшему во внимание только достоверный материал географов-современников, оставив в стороне несовместимые с ними данные старинных авторов.¹³ В другом месте Страбон на основании данных Димитрия Скепсийского отзывается довольно резким тоном — между прочим — и о Гелланике в связи с одним местом из Илиады (В 856—7): XII 3,21 = 4 F 186: οἱ μὲν μεταγράφουσιν (II. В 856) Ἀλαζώνων, οἱ δ' Ἀμαζώνων ποιοῦντες · τὸ δ' ἔξ Ἀλύβης ἔξ Ἀλόπης κῆ) ἔξ Ἀλόβης, τοὺς μὲν Σκύθας Ἀλιζώνας φάσκοντες ὑπὲρ τὸν Βορυσθένη καὶ Καλλιπίδας καὶ ἄλλα ὀνόματα, ἄπερ Ἑλλάνικός τε καὶ Ἡρόδοτος καὶ Εὐδοξος κατεφλυάρησαν ἡμῶν... (XII 3,21 = 4 F 146). Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что Гелланик в своем сочинении Σκυθικά — вероятно обильно черпая и из работ Геродота¹⁴ — упомянул о множестве таких племен как названные Ἀλιζῶνες, Καλλιπίδες и т. п. На основании вышеприведенного места из Страбона (X, 3,21) сюда нужно отнести и другой отрывок из сочинения Гелланика. Тут — кажется — Страбон намекает на то, что некоторые писатели сопоставили или идентифицировали равнозвучные скифские наименования с пафлагонскими названиями Ἀλιζώνων и ἔξ Ἀλύβης Гомера. Если Гелланик в своем сочинении — как это подтверждается вышецитированным местом из Страбона — упомянул на основании Геродота об Ἀλιζῶνες, то допустимо и предположение, что он назвал и Ἀλύβη. Следовательно, отрывок 4 F 146 Steph. Byz. s. Ἀλύβη... Ἑλλάνικος δὲ φησιν λίμνην εἶναι Ποντικὴν нужно отнести к Скифии, а не к Троице, как это сделано Jacoby. Это подтверждается и тем, что ниже мы встретим у гипербореев озеро, посвящее подобное же наименование: Bekk. Anecd. I. 389,9; Ἀλύβας · λίμνη λέγεται ἐν Ὑπερβορείοις. Если гипотеза Crusius о происхождении этого отрывка из сочинения Гекатея Абдерского Περί Ὑπερβορέων за отсутствием более положительных доказательств является мало

¹³ См. *Jacoby*: прим. к 4 F 185; RE VIII 131.

¹⁴ См. *Jacoby*: прим. к 4 F 186; RE VIII 106.

убедительной¹⁵, то отпадает всякое сомнение, что отрывок возник благодаря скифскому названию Ἀλύβη λίμνη.

Общая картина, получаемая от вышеприведенных данных, сводится к тому, что Гелланик в своем труде Σκυθικά, воспользовавшись сообщениями Геродота, равно как и других старинных писателей, в первую очередь Гекатея, подробно трактовал племена как европейской, так и азиатской Скифии. В виду того, что он до некоторой степени превзошел источники, дополнив их отсутствующими данными, Агафемер причислял его к ряду географов, несмотря на выпуск его труда без приложения к нему географических карт (4 F 13). Это безусловно свидетельствует и об изобилии географического и этнографического материала в сочинении Гелланика¹⁶.

4.

Интересная картина получается из материала, если мы внимательно взглянем в него через другой отрывок Гелланика, найденный на папирусе II века н. э., относимый также к сочинению о Скифии¹⁷: 4 F 189 Pap. Ox. X. 1241 col. V. 2: [σιδήρ]ᾶ δὲ ὄπλα πρῶτος Ἑλλ[ά]ν[ι]κος κατασκευάσασθαί φησιν Σάνευνον Σκυθῶν ὄντα βασιλέα. Эта записка Гелланика, по которой железное оружие впервые было изготовлено по приказу скифского царя Санеуна, согласовалась с познаниями древних греков о происхождении обработки металлов, как на это указали еще и Якоби и Ростовцев¹⁸. По преданию греков племя халыбов первым нашло применение железа. Это племя, поселившееся на Кавказе, причислялось к скифам. По географическим представлениям древних греков границей между Европой и Азией была р. Фасис¹⁹. Кавказ принадлежал к Скифии, и все племена его и вообще все северные племена рассматривались как скифские. На основании этих представлений говорит Эсхил о скифской железе (Σκύθη σιδήρῳ Sc pt. 817) и, таким образом, Кавказ — мать родная железа (σιδηρομήτορα Prom. 301) — находится по его мнению в Скифии. Но в наиболее ярко выраженном виде встречается это представление в схолиях к Эсхилу и Аполлонию Родосскому: Schol. ad Prom. 301: σιδηρομήτορα] τὴν ἐργαζομένην τὸν σίδηρον τὴν τῆς Σκυθίας Χαλυβικὴν γῆν, ἐν ἣ πρῶτον ο σίδηρος εὔρηται etc.²⁰ Schol.

¹⁵ См. *Jacoby* прим. к 264 F 9—10.

¹⁶ См. *H. Berger*: *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*². Leipzig. 1903. 256; *Jacoby*: RE VIII 128 сл.

¹⁷ Это было и мнением *Jacoby*: F Gr Hist. прим. к 4 F 189.

¹⁸ *Jacoby*: F Gr. Hist. прим. к 4 F 189; *M. Rostowzew*: *Skythien und der Bosphorus* I 22 сл.

¹⁹ *Jacoby*: F Gr. Hist. прим. к 1 F 195.

²⁰ См. еще и schol. ad Prom. 284, ad Sept. 727, 728, 814, 817, 941.

ad Apoll. Rhod. II 373 :... οἱ δὲ Χάλυβες ἔθνος Σκυθικόν μετὰ τὸν Θερμῶνδοντα, οἱ μέταλλα σιδήρου εὐρόντες μοχθοῦσι περὶ τὴν ἐργασίαν. etc.²¹ Во втором месте содержатся все детали приведенного представления. Сообщение Гелланика, значит, сохранило издавна известное древнее понятие и даже имя Σάνευος — и по мнению Ростовцева, занимавшегося в недалеком прошлом вопросом — не было импровизацией Гелланика, а за ним скрывается действительно какая-то историческая личность²².

В самом деле, если мы рассмотрим внимательнее в имя Σάνευος, то станет нам ясным, что оно является не выдумкой, а подлинным скифским именем. Принимая во внимание, что дифтонг *eu* соответствует древнеиранскому *va* в некоторых иранских именах, как, например, в аорском *Eunones* (Tac. Ann. 12, 15) и в парфянском *Vonones*²³ Βονώνης²⁴ ~ авест. *vanana-* 'Sieger über ... , Besieger, Überwinder' (Bartholomae *AirWb* 1354), имя Σάνευος отражает по всей вероятности скифскую форму **sānavana-*. Это имя оказывается также сложным, как и авест. *drujīm.vana-* 'die *Drug* besiegend, siegreich über die Welt der *Drug*' (*AirWb* 782) или авест. *hadra.vana-* 'der auf einen Schlag siegt' (*AirWb* 1763). Вторая часть сложного слова является дериватом корня *van-* „superare” (*AirWb* 1350 сл.), а первая может быть идентифицирована с следующими древнеиранскими словами: сак. *sāna-* или *sāni-* 'Feind, feindlich', согд. *sān* 'Feind' (St. Konow SPAW 1935, 483). Весьма важно, что соответствующее слово может обнаружиться и в осетинском языке, что ускользнуло от внимания Конова: диг. и пр. *son* 'Feind (Miller-Freimann, *Ossetisch-russisch-deutsches Wörterbuch* II, 1114) < **sān*.²⁵ Так как это слово известно и в осетинском языке, то имея в виду тесную связь, существующую между осетинским с одной стороны и скифским и сарматским с другой²⁶, можно с уверенностью полагать, что оно употреблялось и в скифском языке. Таким образом, значение скифского *Sāna-vana-* могло быть 'die Feinde besiegend, siegreich über die Feinde' и это вполне подходило к царю, применявшему железо к изготовлению оружия. Повидимому, такое же имя

²¹ См. еще и schol. ad Apoll. Rhod. I. 1321, 1323, II. 1005. Ростовцев упустил из виду вышеприведенное весьма важное место, см. ук. соч. I. 23, прим. 1-2.

²² Skythien und Bosphorus I, 23.

²³ См. К. Müllenhoff: *Deutsche Altertumskunde*, прим. 1.

²⁴ Это слово является устаревшим в осетинском языке. До сих пор оно было изолированным, но после того как соответствующие сакские и согдийские слова стали известными, вопросительный знак, приставленный к нему Миллером и Фрейманом, может быть зачеркнут. [С тех пор, что я написал и опубликовал это по-венгерски (*АН* 2, 30 сл.) связь осет. *son* с сакской и согдийской формами заметил и Н. В. Bailey: ср. *Amica* 24].

²⁵ См. М. Vasmier: *Die Iranier in Südrussland*, Leipzig. 1923 сл.

представляет собой и Σάναγος, найденное на одной из ольвийских надписей²⁶: < **sanaγ*. Имя Σάνευος является не фантазией Гелланика, а настоящим скифским названием древнего происхождения. Оно указывает на использование Геллаником не только древних, но и подлинных скифских преданий. Учитывая и скифские сказания, сохранившиеся у Геродота, можно предполагать и существование у скифов предания о царе имени Σάνευος ~ **Sā-navana*, изобретателе железного оружия. Существовал ли он в действительности или нет, этот вопрос за отсутствием необходимого материала не поддается решению. Его имя, как чисто иранское имя древнего стиля, во всяком случае, носит более архаический характер, нежели греческие и фракийские имена скифских царей, фигурирующие у Геродота.

5.

Из всего вышесказанного ясно, что Гелланик в своем сочинении собрал обильный и отчасти новый этнографический и географический материал. Это послужило причиной тому, что он как ἀνὴρ πολυῖστων вошел в перечень Агафемера, восходящий своим началом вплоть до Эратосфена, в ряды географов (4 Т 13), несмотря на то, что он никогда не создавал сочинения географического содержания и не приложил к ним ни одной географической карты²⁷. С другой стороны нельзя упустить из виду, что Гелланик из-за своей φιλομαθία как писатель μυθικά τε καὶ πλασματικά πολλά (см. 4 Т 29) по старинным традициям был причислен к писателям φανερώς μυθογράφοι. И действительно, Гелланик в своем труде Σκυθικά — как это известно из одного из его фрагментов (4 F 187) — уделил большое внимание мифическому племени гипербореев, хотя несколько декад ранее Геродот решительно исключил их из ряда существовавших когда-то народов, отнеся их к миру фантазии (IV, 32). Но какое же имеет значение появление вновь мифических народностей у Гелланика?

Гелланик, Геродот и их знаменитый предшественник, Гекатей представляют собой три разные ступени в развитии греческих мифов.

В первые столетия после Гомера замечается резкий поворот в поведении греческого общества по отношению к мифическим традициям. Помещики-аристократы, положение которых в то время уже

²⁶ Относительно имени см. приведенную работу Фасмера стр. 50. Там же упомянутое слово авест. *sana-* 'Verwüstung, Vernichtung', цитированное Фасмером на основании труда Миллера, по сообщению AirWb не существует.

²⁷ См. *Jacoby*: RE VIII 129.

довольно пошатнулось в сравнении с классом промышленников и торговцев, стремились поддерживать свои исторические привилегии при помощи генеалогий. Составленные генеалогии, подчеркивающие божественное происхождение аристократических родов, представляли собой важное идеологическое оружие для защиты оставшихся позиций аристократов. Провозгласив божественное происхождение предков и описав их богатырские подвиги, эти генеалогии имели целью подкрепить общественное и материальное положение правнуков. В текстах генеалогий содержались, конечно, и верования, которые вследствие развития естествознания уже давно стали устаревшими. В мифических традициях, господствовавших в аристократических кругах, переходя из поколения в поколение, множество явлений окружающей жизни приписывалось действию божественных и сверхъестественных сил, между прочим и таких, объяснение которых было уже сделано наукой. При противоречии устаревших верований и научных познаний мифические предания постепенно лишались доверия, но это не мешало аристократам окружать своих предков наибольшим почетом, распространяя о них невероятные и небывалые истории. Эти истории разыгрывались в сказочном мире, горы, реки и народы которого оказались чужими для новой географии, процветавшей под влиянием открытий, сделанных развивающимся мореплаванием. Следовательно, если аристократия не хотела отказаться от своего идеологического оружия, то она была вынуждена выбросить из генеалогий все элементы, противоречащие тогдашней науке. Это было осуществлено одним из выдающихся представителей древне-испанской науки, Гекатеем.

Гекатей подверг критике мифические рассказы генеалогий с точки зрения естествознания своего времени. По его мнению названные рассказы составлялись из историй, правдоподобность которых должна быть проверена при помощи действительности. Генеалогии, содержавшие небывальщину и фантастические выдумки, в его глазах являлись смешными. Чувствуя себя пропитанным твердым доверием к естественным наукам, в полном сознании своего превосходства он пишет в введении своего труда: *τάδε γράφω, ὡς μοι δοκεῖ ἀληθῆα εἶναι · οἱ γάρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοί τε καὶ γελοιοί, ὡς ἐμοὶ φαίνονται, εἰσὶν* (1 F 27). По мнению Гекатея, например, Геракл не пошел в Гадес отыскивать свою собаку, а сvez только одноименную змею с горы Тенара (1 F 27). Гернон, коровы которого были угнаны Гераклом, проживал не в дальней Иберии, а был царем близкой Ампракии (1 F 26). Тем не менее, Гекатей не презирает мифических героев, родоначальников аристократических семейств. Так, например, по отношению к Гераклу подчеркивает, что его дея-

тельность не была *φαῦλον ἄθλον* даже в том случае, если выбросить из нее сверхестественные элементы. Из этого ясно видно, что Гекатей поставил себе задачей удалить из мифов только те детали, которые были несовместимы с понятиями естествознания того времени, удержав все остальное вместе с оценкой, выраженной в них. С удалением фантастических элементов исчезает разница между мифическими рассказами старинных традиций и материалом, сохранившимся в исторических записях. Исчезновению способствовали и генеалогии, восстановившие тесную связь между историческими поколениями с одной стороны, и мифическими предками — с другой. На основании этого можно установить, что Гекатей — так сказать — модернизовал древний материал старинных мифов и, переделав его на новый лад, способствовал тому, что он стал оружием для аристократии в идеологической борьбе с другими классами. Эти стремления Гекатея коренились безусловно в его классовом сознании, что подтверждается и тем, что он тоже верил в божественное происхождение своего рода, возведя свое родословное дерево до неба.

Подобным же образом поступил Гекатей и по отношению к географическому содержанию мифов. Он старался сгладить резкие несогласия, оказавшиеся между чудесным миром фантазии и картиной, нарисованной тогдашней географией. Поэтому удалив фантастические подробности, всячески старался, чтобы остальные географические указания сохранились. Таким образом, географический материал мифов являлся эквивалентным с географической действительностью. Но удаление сверхестественных элементов не прекратило различий, оказавшихся в отношении предмета. Места и народы, фигурирующие в мифах, были иные, нежели те, которые были известны из географии того времени. Гекатей пытался устранисть и эту разницу, поместив указания мифов вне известных пределов мира, заботясь о том, чтобы связь между мирами фантазии и действительности не оборвалась. Эта попытка была осуществлена Гекатеем в *Περὶ ἤπειρας*. В этом сочинении к фактически существующим народам примыкают мифические племена гибербореев и пигмеев, а земля окружена мифической прарексой, Океаном. Вместе с тем Гекатей не воздерживается и от критических замечаний и находит „смешным . . . и невероятным“ (1 F 328 b) утверждение, будто пигмеи пользуются при жатве хлеба топором. С другой стороны, как уже сказано, Океан в его глазах могущественная река, обтекающая землю, от которой происходят пограничные реки континентов, Фасис и Нил (1 F 18a, 36 b, 302a, b, c). Это соответствует понятиям, выраженным в мифах. Океан для него — *mātā mahī* „мать большая“, как древнеинд. *Rasā* (см. *Rg-veda* V 41, 15), от которой берут свое начало все реки, точно также как и у

Гомера: II. XXI, 195 сл. Ὠκεανοῖο, ἐξ οὐπερ πάντες ποταμοὶ καὶ πᾶσα θάλασσα καὶ πᾶσαι κρήναι καὶ φρεῖατα μακρὰ νάουσιν²⁸. Вполне мифический характер Океана ясно доказывает, что географическое содержание греческих мифов — за вычетом сверхъестественных элементов — полностью сохранилось у Гекатея.

Само собой разумеется, что модернизация мифических преданий — хотя и предоставила аристократии оружие, применяемое в борьбе идеологий — существенно не могла остановить развитие греческого общества. Расширение возможностей промышленности и торговли в короткий срок покончило с самовластием аристократии. Слой промышленников и торговцев, взяв власть в свои руки, конечно, не признал прежние привилегии аристократии, отклонив доказательства — божественное происхождение предков и богатырские подвиги их — подтверждающие их обоснованность. Вековых семейных традиций и генеалогий у этого слоя не существовало, поэтому неудивительно, что ссылки на них со стороны аристократии его совершенно не трогали. Модернизация мифологического материала была встречена полным отказом от мифов. Главным выразителем этого стремления был Геродот.

Геродот порывает все отношения с сказочным миром мифических преданий. Он ясно видит непреодолимую пропасть между ними и действительностью. По его мнению нет никаких генеалогических связей между богами и людьми. На этом пункте он резко выступает против Гекатея и, пренебрежительно относясь к мифическим рассказам, исключает трактовку мифических времен из своих сочинений. Отклоняет также и мысль о непосредственной связи между фантастическим миром мифов и реальным миром действительности. В описании Скифии он оканчивает перечень племен с упоминанием действительно существовавших исседонов. Так как племя гипербореев неизвестно ни скифам, ни их соседям, оно не может быть упомянуто среди народов фактического существования (IV 32). Для него не существует и прарека Океан: οὐ γάρ τινα ἔγινε οἶδα ποταμὸν Ὠκεανὸν ἔοντα... (II 23). Как видно из всего этого, Геродот в полной мере отклоняет материал мифических преданий.

В противоположность Геродоту Гелланик воспользовался материалом мифов и поэтому в его географических описаниях встречаются кроме существующих и мифические народности. Что же это означает? Означает ли это, что Гелланик — как Jacoby²⁹ утверждает — был преемником Гекатея? Старания рационализации мифического

²⁸ Илида а XX, 195 сл. Относительно Океана см. основную статью Гиссингера: RE XVII, 2308 сл., примечая, что он неправильно освещает роль Океана у Гекатея (см. ук. соч. 2322 сл.)

²⁹ RE VIII 159

материала действительно характерны и для него. На основании отрывка, сохранившегося из Тρωϊκά, видно, что он превратил и сцену с Ахиллом при р. Скамандре (см. Илиаду XXI, 233 сл.), представляющую собой борьбу божественных сил, в вполне реальную историю. На горе Иды шел дождь, от чего вода в р. Скамандре поднялась и, выйдя из берегов, залила равнину. Ахилл, идя во главе своего отряда, попал в залитое место и испугавшись взбрался на вяз, воины же, сопровождавшие его, разбежались в разные стороны. От рассказа Илиады у Гелланика не остался ничего кроме сцены с вязом, но и она имеет совершенно иной характер. Сцена с вязом в Илиаде представляет собой важный эпизод: Ахилл спасается из воды при помощи богов. У Гелланика роль богов исполняется вязом. Вся сцена является уже всецело рационализованной, в которой не осталось даже и следов мифических черт. То же самое видно и из другого отрывка, в котором сохранился рассказ о завоевании Трои и спасении Энея. В захваченном врасплох городе только Эней не теряет головы и занимает акрополь. Но заметив безвыходность положения, совершает регулярное отступление на склон горы Иды, легче защищаемый от неприятеля. Под конвоем воинов отправляет туда женщин, стариков и детей, а сам, выделив сильный арьергард из своего войска, старается задерживать неприятеля. Когда неприятель показывается на стенах, оставляет акрополь и вместе с арьергардом в полном порядке отступает на гору Иду. Увидя сильные линии противника, ахейцы, прекратив наступление, предлагают компромисс: Эней сдает свою позицию с правом свободного ухода, уведя с собой людей и все имущество (4 F 31). Читая этот отрывок, легко получается впечатление, что один из эпизодов пелопоннесской войны разыгран перед нами³⁰. Одно место рассказа Гелланика заслуживает особого внимания. В нем читается: Ἰλίου κρατηθέντος ὑπ' Ἀχαιῶν, εἴτε τοῦ δουρείου ἴππου τῆι ἀπάτηι, ὡς Ὀμήρωι πεποιήται, εἴτε τῆι προδοσίαι τῶν Ἀθηνοριδῶν εἴτε ἄλλως πως... Гелланик, значит, не принимает решения проблемы, а оставляет возможности, представленные преданием, неразрешенными. Это резко отличает его как от Гекатея, так и от Геродота. Названные возможности для Гекатея не существуют. Для него существует только то, что он считает вероятным: τάδε γράφω, ὡς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι — пишет он в введении своего сочинения. А что касается Геродота, он не пренебрегает данными, полученными из различных источников. Он не отвергает сведений, приобретенных через ὄψις или ἀκοή и не излагает их произвольно. Он тщательно разбирает

³⁰ *Jacoby*: RE VIII 12).

и растелковывает все. Но при этом он не оставляет вопросы открытыми, а выбирает из возможностей то, что ему кажется правдоподобным. Например, когда он приводит различные рассказы о происхождении скифов, отмечает: ἔστι δὲ καὶ ἄλλος λόγος ἔχων ἴδε, τῷ μάλιστα λεγομένῳ αὐτὸς προσκεῖμαι (IV 11).

В этом отношении замечается большая разница между Геллаником с одной стороны и Гекатеем и Геродотом — с другой. И эта игра с возможностями является не единственной чертой, характеризующей его. Из другого текста, сохранившегося в полном объеме, видим, как он переделал миф о службе Аполлона и Посейдона у Лаомедона. По старинному варианту мифа, Аполлон и Посейдон были отправлены Зевсом под видом наказания на службу к Лаомедону. Что же получилось из этого у Гелланика? ... λέγεται Ποσειδῶ καὶ Ἀπόλλωνα δουλεύσαι Λαομέδωντι, ὅτι ὑβριστὴς ἦν πειρωμέν(ους αὐτοῦ λέγονται μὲν) οὖν ἀνδράσιν εἰδόμενοι ἐπὶ μισθῶν, εἴτε ἄρα ἀποδώσει εἴτε καὶ οὐ, τεῖχος... τεῖχισι... (4 F 26a). В этом рассказе Гелланик, повидимому, не пользуется рационализацией, ведь факт, что бессмертные боги идут к смертному на службу, не может ссбразоваться с доводами разума, предпочитающего действительность фантазии. Но тут не видно и стремления придерживаться оригинального мифа, так как мотив испытания вносит искажение в оригинальный смысл мифа. Для Гелланика не важна история Посейдона, Аполлона и Лаомедона, а важно только испытание надменного человека, а именно, заплатит ли он обусловленную плату или нет. В этой истории проблескивает δίκαιον в форме, являющейся мифической.

Отсутствие рационализации замечается и в других отрывках Гелланика, особенно если сравнить их с текстами Гекатея. Гекатей считал неправдоподобным наличие 50 детей у Эггита, как это утверждает Гесиод, так как по его соображению он мог иметь не свыше 20 (1 F 19). У Гелланика Приам имеет 56 человек детей, т. е. больше, чем сказано у Гомера (4 F 141). Гекатей изменяет сцену Геракла с Герционом, делая ее более усваиваемой для разума тем, что в его рассказе Герцион является царем не дальней Ибернии, а соседней Ампракии (1 F 26). У Гелланика Геракл пригоняет коров Герциона из далекой страны через Италию и Сицилию к себе домой (4 F 111).

Таким образом, в отношении Гелланика к мифу замечается интересная двойственность. Подобно Гекатею, он пользуется материалом мифических традиций — в этом отношении он противостоит Геродоту, пренебрегавшему ими. С другой стороны, нет никаких доказательств того, чтобы он старался установить связь между

мифическим материалом и действительностью, как это было сделано Гекатеем. Иногда он рационализирует мифические рассказы, а иногда вовсе не делает шагов в этом направлении. С удовольствием использует возможности, предоставляемые мифами, так как для него совершенно не важно, чтобы миф был ἀληθής λόγος. В связи с ним нельзя говорить о рационализации мифа, а скорее о коренной обработке его. У Гелланика миф превращается в форму, в которую вливается иносказание, содержащее мораль.

Таким образом, кажущаяся двойственность отношения Гелланика к мифу является результатом определенного аттитюда. Гекатей стремился преобразовать мифы согласно требованиям науки своего времени, сохранив их содержание полностью. Модернизированный материал мифических преданий стал могучим оружием в руках аристократии. В противоположность этому Геродот решительно отклоняет мифы. Резкость тона в его выступлениях против Гелланика доказывает, что их дискуссия отражает борьбу между аристократией и возвышающимся слоем промышленников и торговцев. Проблема мифов, встречающаяся у Гекатея и Геродота, совершенно не существует для Гелланика. Он пользуется материалом, найденным в них, не заботясь о том, является ли он правдоподобным с точки зрения науки. Он находит в мифе материал, используемый для освещения различных проблем общественного характера. У Гелланика нет никакого следа идеологической борьбы, как это наблюдается между Гекатеем и Геродотом. Это ясно указывает, что его труд является уже продуктом совершенно другого общественного мировоззрения. Труд Гелланика отражает общественный строй, охарактеризованный не противоречием отдельных классов, а противоречием рабов и их владельцев. Господствующий класс рабовладельцев — под давлением кризиса, наступившего и все увеличивающегося с V века — вернулся к мифическим преданиям, отчасти отрицаемым во время борьбы против аристократов-помещиков. Он ищет в них решения проблем и избавления от кризиса, так как в мифах отразился строй, в котором отсутствовали внутренние противоречия рабовладельческой системы. Поэтому в литературе стали модными народности, упоминавшиеся в старинных мифах, помещаемые вследствие расширения географических понятий за пределы известных в то время территорий, где-то „на конце мира“. Эти племена и народности, независимо от того, каким образом они вошли в картину географических представлений, безразлично будь они соседями старинных греков или же только продуктом фантазии, не имели никаких понятий о проблемах и кризисах рабовладельческого общества.

6

В связи с этим вполне понятно и появление гипербореев у Гелланика. Мифический народ Аполлона появляется у него как отдаленная картина δικαιοσύνη: 4 F 187b. Clem. Alex. Strom. I. 15, 72. 2.: τοὺς δὲ Ὑπερβορέους Ἑλλάνικος ὑπὲρ τὰ Ῥιπαῖα ὄρη οἰκεῖν ἱστορεῖ. διδάσκεισθαι δὲ αὐτοὺς δικαιοσύνην μὴ κρεοφαγοῦντας, ἀλλ' ἀκροδρῦοις χρῶμενοις. Заслуживает внимания, что описание гипербореев у Гелланика содержит новые черты. Эти черты напоминают описание Геродота об одной другой северной народности, о племени агремпеев: ζῶντες δὲ ἀπὸ δένδρεων... τοῦτοισ οὐδεὶς ἀδικεῖ ἀνθρώπων (ἰροὶ γὰρ λέγονται εἶναι), οὐδὲ τι ἀρήιον ὄπλον ἐκτέεται (IV 23). Подобие гипербореев и агремпеев было явно и для Плиния: Agimphaeos... haut dissimilem Hyperboreis gentem (NH VI 34). Поэтому можно предполагать, что Гелланик некоторые характерные штрихи гипербореев заимствовал от Геродота из описания им агремпеев³¹.

Подобие гипербореев и агремпеев у Гелланика объясняется тем, что эти дальние северные племена в его представлении до некоторой степени как-бы слились и стали похожими между собой. Это явление наблюдается и у других писателей того времени. По смыслу цитаты, сохранившейся у Стефана Византийского, Антимах, по всей вероятности современник Гелланика³², идентифицировал гипербореев с другим северным племенем аримаспов: Steph. Byz. s. v. Ὑπερβορεοὶ... Ἀντίμαχος τοὺς αὐτοὺς φησὶν εἶναι τοῖς Ἀριμασποῖς.³³ По предположению Антимаха упомянул в Θηβαῖς ὁ гипербореев в связи с Дельфийским оракулом³⁴. Но это предположение основывается на гипотезе Велькера, по которой гиперборей будто бы упоминались и в Ἐπίγονοι Гомера также в связи с Дельфийским оракулом. Но можно установить, что в Θηβαῖς — судя по сохранившимся фрагментам (Kinkel EGF 274—295) — отсутствует возможность для выявления гипербореев и аримаспов. Зато упоминание о них легко вкладывается в рамки другого труда Антимаха, в Λύδη.

Λύδη представляла собой элегическую поэму, состоявшую из лирических и эпических элементов, в которой Антимах, оплакивая смерть своей любви, искал утешения в описании подобных же трагических эпизодов героической эпохи.³⁵ Судя по фрагментам, он очень

³¹ Jacoby: прим. к 4 F 187.

³² Wentzel: RE I. 2434.

³³ См. Crusius: Roscher, Lex. gr. r. Myth. II. 2806. Относительно конъектуры Ἀντίμαχος: Καλλιμάχος Meineke см. Crusius ук. соч. прим. 2.

³⁴ См. там же.

³⁵ E. Rohde: Der griechische Roman und seine Vorläufer, 77 сл. Wentzel: ук. соч.

подробно описывал эпизод Язона и аргонавтов (fr. 7—13 Bergk.) К этому месту, описанию путешествия аргонавтов, превосходно подходит упоминание о гиперборейях — аримаспах. Судя по фрагменту 12, аргонавты — по сообщению Антимаха — проследовали на судах через Фасис на Океан и, прибыв в Лидию, сухопутной дорогой возвратились в Среднеморье. Во время этого путешествия аргонавты вошли в соприкосновение и с гиперборейями и аримаспами, населявшими северные берега Океана.

Часть этого Антимахова описания путешествия, кажется, встречается и у Стефана Византийского. Под заголовочным словом *Εὐεργέται* читается следующее: *Σκυθικὸν ἔθνος. Στράβων . ὁ καὶ Ἀριμασποὶ ἐλέγετο ἕκεί γάρ τῶν ἐπὶ τῆς Ἀργούης χειμῶνος πνεύσαντος διασωθῆναι τὸ σκάφος καὶ οὕτως κληθῆναι.* В этом эксцерпте находятся две части, ясно различаемые одна от другой. Первая исходит от Страбона, а вторая от Аргонавтики. Страбон XV 2. 10 (стр. 724) упоминает об этом племени: *εἰτ' ἐκ Δραγγῶν ἐπὶ τε τοῦς Εὐεργέτας ἦκεν [sc. Ἀλέξανδρος], οὗς ὁ Κύρος οὕτως ὠνόμασε...* Из этого Страбонова места проглядывает иранское предание с характерным персидским понятием *εὐεργεσία. ἀγαθοεργία*³⁶. Но эпизод аргонавтов не имеет с ней никакой связи. Он может происходить из такой Аргонавтики, по рассказу которой аргонавты выехали на Океан через Фасис и спаслись от грозы при помощи аримаспов, получивших за это эпитет „добродетельный“ — *Εὐεργέται*. Определение аримаспов, как добродетельного, отзывчивого племени, ставит их на одну ступень с гиперборейями. Весьма вероятно, что этот эксцерпт тесно связан с другим стрывком Антимаха, сохранившимся у Стефана Византийского под заголовочным словом *ὑπερβόρειοι*, перенесенным из-за выражения *Εὐεργέται* в одноименную статью. Это объяснило бы и факт отсутствия указания источника, несмотря на то, что заголовочное слово принадлежит к числу эксцерптов IV разряда³⁷.

Поэтому можно предполагать, что аримасы у Антимаха выступили в качестве добродетельного, отзывчивого и идеального племени в связи с путешествием аргонавтов и поэт идентифицировал их с гиперборейями. Антимах представлялся в позднейшей литературе,

³⁶ См. *E. Herzfeld: Altpersische Inschriften*, 195.

³⁷ По комментариям нового издания В.В. Латышева, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе (ВДИ 1948, 3, 320), объяснение эпитета *εὐεργέται* аримаспов, данное Стефаном, обосновано на двойном недоразумении. Но если и допустить, что Стефан или его источник смешал аримаспов с аримаспами, то совершенно непонятно, зачем не сохранил Стефан объяснение Страбона и Арриана в отношении *εὐεργέται* и почему ввел в эпизод аргонавтов. Причиной этому служило, повидимому, обстоятельство, что Стефан смешал известие Страбона с источником, упоминающим об аримаспах с аргонавтами. Относительно того, как связались аримасы с путешествием аргонавтов, см. наши предыдущие изложения.

например, у Аристона как сочинитель поэм, содержащих мысли педагогического характера³⁸. ... τῶν Ἀν[τιμάχων] ἐροῦμεν τιν[α π]αι-
δευτικὰς διανοίας περιέχειν (Phil dem. περὶ ποιημ. XIV 29—31 Jensen).
Из всего этого является весьма вероятным, что в отношении ис-
пользования материала мифов Антимах недалеко отстал от Гелланика.

Спрашивается теперь, каким же образом было допущено смешение
далеких северных племен в греческой литературе? Племя гипербор-
реев не существовало в действительности. Их идеализация, как про-
ектирование утопических стремлений господствующего класса, объ-
ятого кризисом рабовладельческого строя, вполне понятна. Аргемпел,
аримасны и другие северные племена, объединенные греческими писа-
телями под общим наименованием скифов, были действительно народы,
проживавшие в большинстве случаев близь греческих колоний³⁹,
идеализация которых кажется теперь трудно объяснимой. Можно
допустить, что народы и племена, проживавшие в Восточной Европе,
Причерноморьи и далеком Севере, с которыми сносились греки,
представляли собой бесклассовое, родовое общество в то время как
в греческом рабовладельческом строе уже проявились следы явного
кризиса. У названных народов, собственно говоря, не было таких
проблем, которые возникали вследствие кризиса рабовладельческого
общества. Поэтому эти народы представлялись господствующему
классу потрясенного кризисом греческого общества в идеалистиче-
ском виде, точно так же, как и старинные народы мифов⁴⁰.

С слиянием далеких, северных сказочных племен тесно связан
и факт названия народностей, проживавших севернее от Понта общим
именем. Они называются ионийскими учеными — за исключением
Геродота — скифами⁴¹. Скифы издавна представлялись грекам как
далекое, правдивое, идеальное племя, питающееся молоком вместо
мяса⁴²: τοῦτοίς αὐτόματος ἢ τῆ φύει βοτάνας. Ζῶον δὲ οὐδὲν ἐσθίουσιν
пишется о племени Ἄβιοι в схолии к Илиаде⁴³. Эта характеристика
является очень подходящей для гипербореев, охарактеризованных

³⁸ См. Chr. Jensen: Philodemos über die Gedichte. 134.

³⁹ Относительно племен, населявших северные берега Черного моря
см. С. А. Жебелев: Народы северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ
1938, I, 149 сл.

⁴⁰ Работа Д. П. Калининцова: Античная литературная традиция о север-
ном Причерноморье, ИЗ 16 (1945) 182 сл. известна мне только из указаний
М. И. Артаманова: Вопросы истории скифов в советской науке: ВДИ 1947,
3, 71 и Б. Д. Гракова: ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у
сауроматов, ВДИ 1947, 3, 101. Артаманов и Граков уделяют также внима-
ние вопросу идеализации.

⁴¹ См. Harmatta: Forrástanulmányok Herodotes Skythikájához (= Исследо-
вания источников Скифики Геродота.)

⁴² См. A. Riise: Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens. 8 сл.

⁴³ В. В. Латышев: Известия древних писателей греческих и латинских
о Скифии и Кавказе. Спб. 1893, I, 33.

Геллаником как племя правдивое, не употреблявшее мясной пищи. Итак совсем неудивительно, если гиперборей и другие северные племена слились в фантазии греков и приняли общие идеалистические черты.

7

Какво же могло быть географическое и этническое положение амадоков в Скифике Гелланика?

В греческой географической литературе уже давно, со времен Гекатея, практиковался способ перечисления народностей и племен данной области, следуя от берега моря по междуречьям в различные зоны внутренней части территории⁴⁴. Этот метод определяет местожительство отдельных племен картографическим — или, скорее — почти геометрическим путем. Этим методом воспользовался и предшественник Гелланика, Геродот. Среди фрагментов Гелланика, сохранившихся до нас, есть несколько, которые подтверждают что он по названному методу определил географическое положение некоторых племен. В одном месте, например, устанавливается местонахождение двух племен следующим образом: Βόσπορον διαπλεύσαντι Σίυδοι, ἄνω δὲ τοῦτων Μαίωται Σκύθαι (4 F 69). В одном из его других фрагментов перечисленные племена занимают целую зону (4 F 70). Таким образом, весьма вероятно, что географическое положение амадоков было определено этим же картографическо-геометрическим методом.

Название племени Ἀμάδοκοι было неизвестно ни Геродоту, ни Гекатею, следовательно упоминание о них у Гелланика должно быть приписано более новым информациям. Племя стало известным вероятно только в конце V века до н. э. Приобретение Геллаником новых данных, относящихся к Скифии вовсе неудивительно для нас: мы видели уже нечто подобное в рассказе об изобретении железного оружия скифами. Но из какого же источника и каким путем дошло сведение об этом племени до Гелланика? Маловероятно, что под этим названием скрывалось новое скифское племя или племенное исвообразование. Идя в другом направлении, надо остановиться на факте, что центром торговли, развивавшейся в V веке до н. э. на северных берегах Понта, являлся г. Ольвия. Две дороги вели отсюда: одна вдоль берега Днепра к северу, а другая — следуя течению Дона и Волги — сперва на восток, а затем в северо-восточном и северном направлении⁴⁵. В узле столь важных торговых дорог

⁴⁴ См. *Harmatta*: ук. соч. 15.

⁴⁵ *Ebert*: *Südrußland im Altertum*, 188.

изобиливали слухи о далеких народах и их обычаях. Сообщения Геродота о скифах и их соседях основывались также на информациях, приобретенных в г. Ольвии⁴⁶.

Торговая дорога, идущая вдоль Днепра к северу, не могла быть очень длинной. Это видно и из того, что Геродот не знает ни верховьев реки, ни края, лежащего около ее истока⁴⁷. Он не называет ни одного народа, о котором он получил бы сведения через торговцев, промышлявших на этой территории. Племена невров, андрофагов и меланхленов, упомянутые у Геродота, как пограничные народности Скифии, были известны уже и для Гекатея⁴⁸. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что Геродот при помощи днепровской торговли не ознакомился ни с одним новым племенем той области. Вместе с тем отпадает и возможность приобретения Геллаником этим же путем сведений о племенах амадоков.

Но в другом направлении географические сведения эпохи Геродота и Гелланика значительно расширились. Устойчивая власть скифов разрешила греческим торговцам, идущим из причерноморских городов через Ольвию в направлении Волги, проникнуть далеко во внутренние части материка. У Геродота сохранилось описание этой дороги, ведущей из Ольвии не только до Урала, но даже и дальше⁴⁹. Эти греческие торговцы впервые принесли Геродоту сведения о многих до того неизвестных северных племенах⁵⁰. Повидимому и Гелланик приобрел свои сведения подобным же образом. Вполне естественно, что Гелланик, воспользовавшийся в своем труде материалом Геродота в довольно большой мере, знал эту дорогу отлично. Так как племена скифов, савроматов и гелонов, проживавших в начале дороги, были известны уже и Гекатею,⁵¹ ознакомление с новыми племенами могло иметь место у Гелланика точно также, как и у Геродота, на противоположной части дороги: где-то на Урале. Племя амадоков вероятно появилось на той же территории, где и ирки, фиссагеты и аргеппей, упомянутые Геродотом. В этом случае они принадлежат также к группе идеализированных племен, равно как и гиперборей.

И. Гарматта

⁴⁶ *Jacoby*: RE II, SpB. 257.

⁴⁷ *O. Genest*: Osteuropäische Verhältnisse bei Herodot, Progr. Quedlingburg 1882/83. 17.

⁴⁸ *Harmatta* ук. соч. 30.

⁴⁹ *R. Hennig*: Klio 28 (1935) 246 сл. Относительно этой дороги см. Ельницкий: ВДИ 1948, 2, 96, Надель: ВДИ 1948, 3, 122; работы Гракова: Скифи. Київ, 1947, 41 сл.: Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи?: Арх. 1947, Київ, 23, сл. Известны мне только из изложения Ельницкого и Наделя.

⁵⁰ *Harmatta* ук. соч. 32.

⁵¹ *Harmatta* ук. соч. 23.

MYTHICAL NORTHERN PEOPLES IN HELLANICUS

(Summary)

In the sixth century A. D. the expansion of the Byzantine Empire under Justinian I resulted in a considerable enrichment of geographical knowledge. It was in this period, when the geographical world picture was significantly extended, that Stephanus Byzantius wrote his *Ἐθνικά*, a work which has preserved many data of ancient geographical and ethnographical literature — facts regarded as antiquated by Stephanus' contemporaries but representing great value for us, owing to their absence in other sources.

It is from a passage in Stephanus that we are acquainted with the people's name *Ἀυδόκοι* (= FGrHist 4 F 64). The source for this name is given by Stephanus as Hellanicus, a contemporary of Thucydides. It is, however, very unlikely, if only for the great distance of time, that Stephanus should have taken this name directly from Hellanicus' work. Research conducted so far has shown that most of the data attributed to Hellanicus were actually borrowed by Stephanus from the works of Alexander Polyhistor. An examination of Alexander Polyhistor's fragments renders it extremely probable that the people's name *Ἀυδόκοι* in Hellanicus reached Stephanus through his mediation.

Thus, in tracing the people's name *Ἀυδόκοι* we have started from Stephanus and, through the geographical literature of the beginning of our era, have reached the age of Hellanicus. According to the passage in Stephanus, the *Amadoci* had been discussed by Hellanicus in his *Σκυθικά*. This work may be reconstructed in broad outlines on the basis of the existing fragments of Hellanicus and two passages in Strabo, the inference being that the *Scythica* contained a detailed account of the peoples of both European and Asiatic Scythia and was based on materials derived from Herodotus and probably other old sources. Hellanicus must have gone, however, beyond his sources and embodied some new material in his work, as is shown by the fact that he is mentioned among the geographers by Agathemerus (FGrHist 4 F 13). This seems to indicate that the work of Hellanicus must have contained a wealth of geographical and ethnographical material.

An interesting glimpse into this material is afforded by one of Hellanicus' fragments, according to which iron weapons were first made by Saneunos, King of the Scythians (FGrHist 4 F 189). A closer examination of the name Saneunos shows that it is not fictitious but represents, in all probability, an original Scythian name. The Greek transcription Saneunos may stand for an Iranian form *Sānuvāna-*, meaning 'conquering his enemies, victorious over the enemy', a name that would fit to perfection a king inventing and making iron weapons. Thus the name Saneunos indicates that Hellanicus employed not only old sources but native Scythian tradition, too.

There can be no doubt, therefore, that the *Scythica* of Hellanicus contained a lot of ethnographical and geographical material that was new in many respects. We know, on the other hand, that he mentioned a number of mythical peoples in this work, and actually gave an elaborate account of the Hyperboreans, though a decade or two earlier these had been definitely excluded by Herodotus from the number of really existing peoples. How are we to account for the reintroduction of the mythical peoples in Hellanicus' work?

Hellanicus, Herodotus, and their great ancestor, Hecataeus, represent three successive stages in the development of Greek myth. Hecataeus had attempted a transformation of the ancient myths in accordance with the scientific knowledge of his age while preserving their material unimpaired. The mythical tradition, thus 'modernised', became an important ideological weapon in the hands of the aristocracy. Herodotus sets himself into sharp opposition to Hecataeus and rejects mythical tradition. The vehemence of his attack on the discarded myths shows that his polemics with Hecataeus reflect, in fact, the social struggle between the aristocracy and the developing class of merchants and tradesmen.

There is no trace in Hellanicus of the ideological conflict in which Hecataeus and Herodotus had been engaged. This goes to prove that his work is the reflection of a society characterized no longer by the conflict of the various leading strata, but by the struggle of the ruling class and the slaves. To escape from the fifth century crisis that was to become more and more accentuated later on, the ruling class of the Greek slave-holding society returns to the mythical tradition that had been partly rejected earlier, in the course of the sixth century. The old myths reflected a state of society in which the inner contradictions of slave economy were still unknown. Hence the peoples of the old myths became very popular in literature and were represented by literary and religious propaganda as ideal peoples fit to be followed by society.

The appearance of the Hyperboreans and other mythical peoples in Hellanicus must be interpreted in this connection. Another point worth noticing is that in Hellanicus the mythical peoples become to some extent identified with the peoples of the distant north. The probable explanation of this phenomenon is that the peoples and tribes inhabiting the northern coast of the Black Sea and the regions still farther to the north were still living in a classless, tribal society, while the slave-holding society of the Greeks was already harassed by symptoms of a grave crisis. The problems raised by the crisis of the slave-holding class society of the Greeks did not, in fact, exist in the social organization of these peoples. Hence in the eyes of the Greek ruling class, at a time when Greek society was struggling with a grave crisis, these peoples appeared in the same idealized light as the ancient peoples of traditional myth.

The name of the Amadoci mentioned by Hellanicus must be fitted into this general framework. This people's name is unknown either to Hecataeus or to Herodotus; hence this datum in Hellanicus must have been based on new information. We must conclude, therefore, that the people of the Amadoci became known only at the end of the fifth century B. C. Hecataeus and Herodotus had been well acquainted with the Scythians living near the Greek colonies — actually, they had also a fair knowledge of the more distant barbarian tribes; consequently, the Amadoci of Hellanicus cannot be assigned to this region. There is, however, a certain direction towards which the geographical horizon of the age of Herodotus and Hellanicus became considerably extended. Greek and Scythian traders, starting from Olbia, had reached the Central Urals and even territories lying beyond, bringing reports about a number of northern peoples hitherto unknown. It seems very likely that Hellanicus must have obtained his information in this way. We must conclude, therefore, that the Amadoci were probably living in the same district as the new northern peoples first mentioned in Herodotus, viz. the Jyrcæ, the Thyssagetæ, and the Argempæi. If this supposition is right, we may also assume that they were classed by Hellanicus together with the idealized northern peoples like the Hyperboreans.

J. Harnatta